

И.В. Головачева

ЗАЧЕМ ПИСАТЕЛЮ ТЕОРИЯ? (ИНСТРУМЕНТЫ САМОПОЗНАНИЯ ОЛДОСА ХАКСЛИ)

Путь познания себя, избранный Олдосом Хаксли (1894–1963), был скорее не интуитивным или непосредственным, а *научным*, что довольно нетривиально для художника и именно потому обратило на себя наше внимание.

Психологические и медицинские изыскания и эксперименты, предпринятые им в том числе и ради самоанализа, привели О. Хаксли уже в середине 1930-ых гг. к следующей мысли: «Всцело понимающая личность понимает как саму себя, так и внешний мир... Если стремиться к пониманию себя, то следует осознавать свои действительные мотивы, тайные истоки своих мыслей, чувств и поступков, природу своих настроений, импульсов и ощущений... Ни одно *эго* не может выйти за пределы собственного эгоизма нравственно... или мистически... пока оно полностью не осознает, чем является и почему является тем, чем является. Самотрансценденция происходит через самоосознание»¹.

Однако Хаксли не сразу пришел к такому убеждению. Так, он признавался в письме от 7 января 1929 г.: «...У меня почти нет никаких идей относительно самого себя, и я не хочу, чтобы они у меня были – я этого избегаю принципиально – я лишь придумываю их, когда кто-нибудь вроде Вас интересуется ими. Потому что «познай самого себя» было, возможно, самым тупым советом из всех, которые когда-либо давались – в том случае, если он означал вывернуть себя наизнанку для интроспекции. Если бы кто-нибудь проводил время, познавая себя подобным образом, у него не осталось бы «самого себя» для познания – потому что «я» существует лишь в связи с внешними обстоятельствами, а интроспекция, отвлекающая от внешнего мира, это своего рода самоубийство»².

Бесспорно, писателю была чужда идея самоанализа напоказ, для других. Возможно, по этой причине, он не вел дневников и записных книжек. Он практически не делал никаких личных признаний в переписке. Казалось бы все, что нам остается – это расшифровывать перемены в его самовосприятии с помощью косвенных источников. Однако его письма в совокупности с художественными и публицистическими текстами дают нам обширный материал, позволяющий проследить, как менялись его воззрения. Собрав воедино и проанализировав его высказывания по вопросам психологии, медицины и психофармакологии, мы получим достаточно объективную картину того пути, по которому Хаксли шел к пониманию не только феномена сознания в целом, но и самого себя.

Интерес писателя, собиравшегося в свое время стать врачом или биологом, к медицине и психологии был вполне научным. Однако не стоит забывать и то обстоятельство, что всю жизнь О. Хаксли страдал от множества мелких недугов, большая часть которых имела явно психосоматический характер. Медицина интересовала его не только как «механика живых организмов», но и как искусство врачевания. Он смело проводил над собой нетрадиционные оздоровительные эксперименты, например, позволял себя гипнотизировать, подвергать воздействию «оздоровительных токов» и психоделических препаратов.

Кристофер Ишервуд, известный писатель и друг Хаксли, называл Олдоса «исключительно чувствительным человеческим инструментом»:

«Его здоровье было весьма неустойчивым. На этой неделе он выглядел бодрым и здоровым, даже полным сил, на следующей – изнуренным, разбитым, призрачным. Он страдал от самых разнообразных недугов, однако, казалось, они интересуют его в той же степени, как и беспокоят. Он мог долго обсуждать их, отстраненно, не жалуясь. <...> И он, и Мария (первая жена писателя. – И.Г.) так любили ходить по врачам, что их друзьям порой казалось, что они готовы проконсультироваться у любого, хотя бы один раз, из чистого любопытства»³.

Не потому ли писателя так занимала телесно-ментальная проблема, что всю жизнь, несмотря на все его мужество, физические недуги доставляли ему еще и психологические мучения и неудобства? Вполне естественно, что он пытался найти наиболее адекватный и комфортный способ сосуществования своего активного разума и лабильной психики с нездоровым телом. Отсюда его неприязнь к любой психологической теории, не учитывающей телесную, соматическую составляющую.

Кроме того, были и причины личного, биографического характера, обуславливающие его интерес, в частности, к психиатрии и психотерапии. Эту точку зрения разделяет и вдова писателя, миссис Лаура Арчера Хаксли, любезно согласившаяся обсудить со мной эту тему летом 2004 г. в Голливуде, в том самом доме, где умер Олдос. Вопросы терапии и психотерапии особенно сильно волновали его, во-первых, потому, что писатель всегда чувствовал себя несколько отстраненным от мира, что не в последнюю очередь объяснялось несколькими эпизодами почти полной потери зрения. Во-вторых, Хаксли, судя по всему, несколько десятилетий не мог справиться с горечью ранней утраты: его мать умерла от рака, когда писатель был еще подростком. В-третьих, он тяжело переживал самоубийство младшего брата – этот трагический случай показал ему, как сильно человеческая жизнь может зависеть от качества и своевременности лечения.

Мемуары родственников и друзей Хаксли дают и другие объяснения его психологическим и медицинским увлечениям. Так, например, причину этих и более обширных научных интересов, его *«scientist manqué»*, некоторые усматривают в общей гуманистической установке писателя, в его желании облегчить не только собственные, но и чужие страдания. Что до его психоделических опытов, то, по всей видимости, кроме стремления на собственном опыте понять психофармакологическое воздействие наркотиков и таким образом удовлетворить свою страсть ученого-экспериментатора, он хотел всколыхнуть некие личные и в то же время универсальные образы и переживания, которые его подсознание открывало лишь под воздействием галлюциногенов.

Он стремился к самосовершенствованию не только в психосоматическом плане, но и в этическом, пытаясь найти идеальные рецепты здоровья души и тела, полноценной гармоничной жизни. Чем старше он становился, тем интенсивнее погружался в размышления о «флоре и фауне глубинного слоя подсознания», и тем явственнее он осознавал иллюзорность своего отшельничества, тем сильнее было его сочувствие, пришедшее на смену любопытству собирателя характеров.

В обоих браках Хаксли подсознательно искал и обретал поддержку. Первая жена писателя, Мария, стала его «глазами», помогая ему не только физически ориентироваться во внешнем мире, но и адаптируя его к отношениям с новыми людьми. Пребывая в оковах созданных его сознанием ограничений, он, бесспорно, испытывал сильные затруднения в эмоциональной сфере. Поисками большей психосоматической гармонии объясняются его разнообразные опыты телесно-ориентированной терапии.

В одном из писем, отправленных после смерти Марии, Олдос признается: «Если я в какой-то мере научился быть человеком – а у меня были в этом смысле громадные проблемы – то этим я обязан ей»⁴. Грейс Хаббл, вдова великого астронома, записала в дневнике, что Олдос часто и с готовностью говорит о покойной жене, но в его словах нет никакой интимности. Эллен Ховди, невестка Хаксли, подтверждала: «Он был несколько не в ладах с собственным телом... Думаю, что это мучило его. Если тебе приходится прибегать к серьезному наркотику, чтобы поплакать, то у тебя проблемы с телом. Думаю, что у него часто были проблемы с телом»⁵.

Лаура Арчера, дружившая с супругами Хаксли, не случайно стала новой женой писателя через год после смерти Марии. Олдосу требовалась новая опора. Лаура в то время уже практиковала психотерапию. Именно она помогла Олдосу дать выход его горю с помощью гипноза, дианетики и ЛСД. Эти процедуры, как надеялся писатель, должны были, кроме всего прочего, помочь ему восстановить память о детстве. По каким-то причинам Хаксли считал, что отсутствие ранних детских воспоминаний свидетельствуют о наличии не только психического вытеснения и, возможно, незарубцевавшейся душевной травмы, но и физического «зажима». Так или иначе, вторая жена сыграла важнейшую роль в расширении этой сферы увлечений писателя. Во время работы над своим последним романом – психотерапевтической утопией «Остров» (1962) – Хаксли воспользовался описаниями некоторых особенно эффективных методов, которые Лаура практиковала с пациентами. В предисловии к ее книге «Ты – не мишень» (1963), где автор изложила свои рецепты поддержания душевного здоровья, О. Хаксли признается: «Некоторые из ее рецептов (например, рецепт «Преобразование энергии») почти без изменений нашли место в моей фантазии. Другие были изменены так, чтобы соответствовать потребностям придуманного мною общества и подходить его культуре»⁶.

Со своей стороны, Олдос снабжал Лауру собственными соображениями, которые помогали ей при работе с пациентами и в написании двух книг по психотерапии.

Как мы уже выяснили, кроме личных оснований для психологических штудий, у писателя наличествовал и объективный научный интерес. Он-то и заставлял О. Хаксли читать классические, новейшие и даже самые нетрадиционные, маргинальные труды по психологии. Кажется, нет такой теории, такого направления в общей или медицинской психологии, а также в парапсихологии, которое осталось бы незамеченным Хаксли. Классический фрейдизм, неопрейдизм, гештальтпсихология, юнгианство, бихевиоризм и необихевиоризм, экзистенциальная психология, телесная терапия, дианетика, гештальт-терапия, а также разнообразные методы восточной психотерапии, предложенные дзэн-буддизмом, махаяной, тантризмом, даосизмом, – все это тщательно изучено, осознано, прокомментировано и зачастую включено в концепцию и сюжет очередного романа. Хаксли – едва ли не единственный писатель, который принимал участие в профессиональных симпозиумах и конгрессах по психиатрии, психологии, медицине, психофармакологии и парапсихологии (в 1950, 1954, трижды в 1955, в 1959, дважды 1960 и 1961 гг.). Кроме того, он мечтал написать принципиально новый учебник психиатрии с Хамфри Осмондом, о чем писал тому еще в 1954 г.⁷ Позже, в 1960 г., Хаксли был приглашенным профессором в «святая святых психоанализа» – Фонде Меннингера в Топеке (Канзас), где читал доклад на конференции по вопросом тревожности.

Картина сознания, в том виде, в каком она предстает в его статьях, лекциях и особенно, в переписке, являет нам симбиоз изначально противоречащих друг другу концепций, принадлежащих как профессиональным психологам и биологам, так и близким Хаксли

по духу мыслителям его круга – Джеральду Херду, Бертрану Расселу и Джозефу Кратчу. В некоторых случаях он почти буквально воспроизводил чужие идеи, в других – проявлял гораздо больше свободы.

Как художественные тексты, так и письма Хаксли изобилуют рассуждениями о психологических теориях и практиках. Его отношение к некоторым ведущим школам психологии недвусмысленно. Так, например, в его восприятии классический бихевиоризм был, без сомнения, угрозой гуманизму и демократии.

Что до его отношения к фрейдизму, то здесь дело обстоит гораздо сложнее. Неприятие писателем классического психоанализа очевидно. Особенно явственно оно проступило в «Дивном Новом Мире» (1932), где фрейдистские концепции изображены в усеченном и остро пародийном виде. В письмах и эссе Хаксли постоянно критикует Фрейда за односторонность, субъективность и пансексуализм. Занятия восточной философией и психологией привели его к ревизии классической модели подсознания: «Наша современная модель сознания – подсознание как подвал, сознание как первый этаж и непроницаемая крыша – не соответствует фактам. У индийцев более сложная модель – несколько дополнительных верхних этажей и без крыши. Нет непреодолимого препятствия между Атманом и Брахманом, и даже между духовным пространством нижних этажей и внешним духовным пространством»⁸.

Писателя особенно раздражало, что единственное, чему психоаналитики уделяют внимание – это «негативное» бессознательное, и то, что они оставляют невротика биться в путях дурного и болезненного прошлого, не позволяя ему находиться «здесь и сейчас». Кроме того, он был убежден, что следует признать наличие некоего позитивного подсознания, расположенного в более глубоком слое, под «негативным» подсознанием: «По-моему, все указывает на тот факт, что, когда мы спускаемся через подсознание, мы проходим через уровень (с ним обычно имеют дело психоаналитики), который преимущественно являет зло, отвечает за зло – можно назвать его уровнем Первородного Греха, и попадаем на более глубокий уровень «Первородной Добродетели», покоя, просветления и озарения...»⁹

Чем обширнее становилась библиография прочитанных Олдсом Хаксли трудов по психологии, чем больше – его экспериментальный опыт, тем богаче и синкретичней была описываемая в его письмах топография сознания и картина его функционирования. Нельзя не заметить, что его концепция порой менялась в результате удачного курса какого-либо вида терапии – будь то телесная терапия, физиотерапия (порой весьма сомнительного толка) или психотерапия. Так, пройдя курс гипноза и освоив самогипноз с тем, чтобы самому снимать тревожность и облегчать различные симптомы психосоматического расстройства, Хаксли не только «воспевает» в письмах несомненные достоинства и преимущества гипнотического воздействия, но и пускается в теоретические рассуждения. В одном из июльских писем 1952 г. он говорит о том, как именно, по его представлению, меняется работа сознания под гипнозом, как состояние транса воздействует на свободное протекание витальной энергии, в основном обозначаемой им термином «энтелехия»¹⁰: «Эго способно ослабнуть, отступить, прекратить препятствовать благотворному влиянию «энтелехии», которая является как физиологическим подсознанием, отвечающим за нормальное функционирование организма, так и высшим надличностным подсознанием – т. е. тем, что, в отличие от личностного подсознательного с фрейдовскими крысами и тараканами, дает нам «вдохновение», «интуитивные озарения», «благие мысли», которые суть столь же доподлинные факты, как и страхи, влечения, агрессия и отчаяние, порождаемые фрейдовским подвалом. <...> Самая боль-

шая ошибка Фрейда, как мне кажется, состояла в том, что он не обратил внимание на это *не-я*, которое шире личностного, и с которым мы так благодатно связаны, а сосредоточил все внимание терапевта и пациента на *я* с его крысами и тараканами, населяющими личностное подсознание»¹¹.

После опытов с мескалином, результатом которых стал трактат «Двери восприятия» (1954), и под влиянием парапсихологических увлечений Хаксли еще более усложнил описанную выше картину, включив в нее мир юнгианских архетипов и те таинственные глубины мистического, в которые способны проникнуть лишь избранные. Писатель полагал, что как гипноз, так и мескалин способны помочь преодолеть границы обыденного Я и подавить его нормализующую и контролирующую функцию. В письме от 17 января 1954 г., отправленном знаменитому парапсихологу Дж. Б. Райну, он признается: «Меня волнует тема, которую можно обозначить как флора и фауна глубинного подсознания. Ибо, по всей вероятности, за пределами персонального бессознательного (озабоченного проблемами нашей личной биографии) и за пределами юнговского коллективного бессознательного с его архетипами, символизирующими вечные проблемы нашего биологического вида, расположена сфера, несколько не связанная с нашими личными или коллективными интересами – сфера, из которой поэты и пророки черпают образы ада и рая и других далеких областей Иного Мира»¹².

Несмотря на критику и ревизию фрейдизма, обращавшего, как он считал, больше внимания на первородный грех, нежели на первородную добродетель, писатель не подвергал сомнению базовую концепцию бессознательного и его энергетическую модель: «Гипотеза бессознательной ментальной деятельности справедлива и имеет огромное практическое значение. Без нее нам пришлось бы вернуться к примитивному понятию сверхъестественного вмешательства. С ней же мы можем в какой-то мере объяснить некоторые виды нормального поведения и помочь некоторым жертвам слабых форм умственного расстройства избавиться от симптомов»¹³.

Одним из главных объектов его размышлений была ментально-физиологическая парадигма, т. е. проблема соотношения психического и телесного. Именно на этом пути произошло открытие, которое сделал для себя О. Хаксли, познакомившись в 1937 г. в Чикаго с автором теории конституциональных различий, американским психологом Уильямом Шелдоном (1898–1977). В письме № 495 Хаксли восторженно отзывается об ученом, в чьей концепции человек предстает тем, кем он на самом деле является – «психофизическим целым» или *mind-body*¹⁴.

Шелдон предложил весьма убедительную классификацию человеческих темпераментов на основе физических признаков. С тех пор писатель неизменно включал соматотипический компонент в рассуждения о личности и топографии сознания: «На самом глубинном уровне наше бессознательное равно нашей конституции: мы предопределены нашим телом и темпераментом. <...> Бессмысленно говорить о бессознательном, не учитывая того, что оно произрастает из конституциональных различий, делающих нас именно теми личностями, которыми мы являемся»¹⁵.

Теория Шелдона привела Хаксли к мысли о необходимости объяснять как нормальное, так и девиантное поведение не только и не столько труднопознаваемыми бессознательными и подсознательными процессами, но еще и особенностями конкретного организма. Со временем в схему сознания он добавил Вечный Принцип (Вечную Реальность, Божественную Вечность или Основу Бытия):

«Поскольку Бессознательное – это тело, и поскольку темперамент предопределен телом, можно познавать и изучать Бессознательное как поведенчески, так и интроспективно.

А поскольку Бессознательное – это Дух или Вечный Принцип, то его можно изучать и осознавать в акте целостного познания»¹⁶.

Под влиянием шелдоновской теории Хаксли предпринял специфический самоанализ, прежде всего, совершенно точно определив свой соматический тип. В самом деле, трудно не согласиться с тем, что писателя следует отнести к *эктоморфам*. Шелдон характеризовал эктоморфа как обладателя тонкого и хрупкого тела, в пропорции к размерам – наибольшим мозгом, склонного к самоанализу, наделенного чувствительностью и нервозностью, сверхчувствительного к внешней стимуляции и слабо пригодного к физической, особенно соревновательной, активности.

Хаксли был необычайно высоким, шуплым человеком с большой головой. Его сутулость и подслеповатость – с юности он был слабовидящим в результате болезни глаз, а порой его зрение ухудшалось вплоть до слепоты – придавали облику писателя отстраненность и некоторую отрешенность, вероятно, настораживавшую тех, кто не был с ним хорошо знаком. Однако после непродолжительного общения он представлял открытым, симпатичным, сочувствующим и живо интересующимся всем на свете человеком.

Что же до поведенческой, собственно психологической, характеристики, то О. Хаксли отнес себя к шелдоновской группе *церебротоников*. Церебротоники, по Шелдону, сдержаны, скрытны, застенчивы, лучше всего адаптируются в небольших группах, беспокойны, имеют проблемы со сном, часто предпочитают одиночество. Все эти характеристики вполне могут быть отнесены к писателю, который в одном из эссе 1944 г. подытожил характеристику своего психотипа: «Церебротоник – сверхвозбудимый, сверхчувствительный интроверт, гораздо больше озабоченный внутренней вселенной собственными мыслями, чувств и воображения, нежели внешним миром... Осанка и движения церебротоника напряженные и сдержанные. Его психические отклики могут быть поспешными, а его физиологические реакции – неприятно острыми... Яркие выраженные церебротоники... имеют страсть к уединению, не любят быть на виду... В компании часто бывают робкими и могут неожиданно впасть в уныние... Во внешних проявлениях они скованы и сдержаны, и когда им нужно выразить свои чувства, они кажутся настолько скованными, что висцеротоники зачастую подозревают их в бессердечии»¹⁷.

В трактате «Вечная философия» (1946), посвященном проблемам религии и мистицизма, Хаксли вновь обращается к вопросу о том, как конкретный психотип предопределяет не только судьбу и характер, но и религиозные «предпочтения». Случайно ли писатель так подробно остановился в этом тексте на церебротониках? Полагаем, что это обстоятельство обусловлено «искусом самоанализа». Посмотрим на те новые подробности, которые Хаксли добавил к косвенной самохарактеристике, в которой появились такие определения, как «особенный», «переразвитый и почти нежизнеспособный», «подверженный непредсказуемым приступам меланхолии»:

«...Интровертному церебротонику непросто найти свое место в окружающем его мире вещей, людей, в обществе с его укладом. В результате, выраженных церебротоников редко встретишь в числе обычных граждан... В университетах, монастырях и исследовательских лабораториях... процент невероятно одаренных и образованных церебротоников всегда будет очень высок»¹⁸.

Проанализировал он и тот специфический путь к познанию и просветлению, что пригоден именно для церебротоников. Хаксли считал, что церебротонику (читаем – ему самому) следует избегать интроверсии и воображения ради них самих. Самоанализ не должен быть самоцелью. Путь знания для церебротоника заключается в том, чтобы

«изменять сознание, пока оно не перестанет быть эгоцентричным, и не сосредоточится, и не сольется с Божественным Основанием»¹⁹. В качестве примера церебротоника, успешно преодолевшего недостатки своей природы, Хаксли, очевидно, без колебаний, без каких-либо оговорок и основываясь исключительно на иконографии называет Христа. Можно предположить, что этим примером он сознательно ставил высочайшую планку для своего будущего духовного самосовершенствования. Соображение, по которому он определяет Христа как церебротоника, писатель обосновывает по-шелдоновски: «...Традиционно Иисус виделся как человек преимущественно эктоморфного сложения, а это подразумевало, что и преимущественно церебротонического темперамента. Сердцевина изначального христианского учения подтверждает верность этой иконографической традиции. Евангельская религия – это то, чего можно ожидать от церебротоника; хотя, конечно же, не от всякого, но от того, кто использовал особенности своего природного психофизиологического строения для того, чтобы превзойти природу, кто, следуя своей особенной дхарме, достиг духовной цели»²⁰.

Рассмотрим способы облегчения психосоматических недугов, которые исследовал писатель, судя по всему, большую часть жизни сам испытывавший симптомы тревожности. Увлечшись восточной психологией, Хаксли обнаружил, что в качестве центральной психической проблемы в ней неизменно указывалась именно тревожность, вызванная перевозбуждением и беспокойством. Он пришел к выводу, что следует прибегать к двум способам преодоления тревожности. Первый – труднодостижимый, но желательный – это мгновенный инсайт, озарение, к которому можно придти либо в результате медитаций, направленных на познание и созерцание своей истинной природы и собственных скрытых возможностей, либо пройдя специальное обучение. Второе действенное средство от тревожности состоит в практике состояния Безмолвия (отсутствия мыслей в дзэн-буддизме и даосизме)²¹.

Писатель понимал на собственном примере, какие колоссальные трудности ожидают обыкновенного человека западной культуры на пути к постижению восточной мудрости. Его главный совет был: прежде, чем устремиться к трансцендентному, человеку следует сначала стать физически и психически здоровой личностью, полностью самоосознающей и целеустремленной. В такой перспективе центральными метафорами всех его текстов, посвященных темам тревожности и невроза, стали *лечение* и *профилактика*. Он считал, что изучение причин и механизмов психосоматических расстройств гораздо важнее спекулятивных рассуждений о стрессах, вытеснении и зажимах. Так, в письме от 27 мая 1945 г., адресованном брату, биологу Джулиану Хаксли, он подводит итоги прочитанной литературы по психоневрозам и их лечению, включая в картину работы сознания понятия, заимствованные из восточных учений: «Если человек не взаимодействует (с Дао, с Таковостью), если считает себя автономной сущностью, если главной его заботой является его самоосознающее эго, тогда все разлаживается на всех уровнях – от физиологического до духовного. Он вмешивается в нормальное функционирование собственного организма, беспокоится и нервничает, доводя себя до язвы желудка, до плохого зрения, гипертонии и всех бесчисленных заболеваний, которые сейчас даже самые консервативные доктора вынуждены связывать с болезненными состояниями сознания. В то же самое время он отрывает себя не только от «животной благодати» нормального и естественного функционирования, но и от ментальной и духовной благодати – благодати, например, эстетического переживания, которое зависит от... пребывания в состоянии «бдительной пассивности», противоположного самоуверенности, и от благодати мистического опыта, которая может наступить, если бдительная пассивность длится и достигает степени полного смирения и самоотверженности»²².

Судя по всему, Хаксли остался верным такой концепции. Библиографический список прочитанных им работ по психосоматической медицине, общей психологии и психотерапии самых разных направлений стремительно увеличивался. В 1949 г., прочитав труд Людвиг фон Бергаланффи «Проблемы жизни», Хаксли послал ему восторженный отзыв, отметив особо, что нашел в авторе книги тот идеал, которого ему не суждено было достичь самому. Если бы он почти не ослеп в юности – признается Хаксли корреспонденту – то продолжил бы свое биологическое и медицинское образование и стал бы ученым, способным соединить воедино разрозненные пласты знания: биологию, философию, литературу и пр. Это позволило бы ему «проникнуть в самую суть живой реальности, чего никогда не сможет сделать даже самый образованный и одаренный профессионал»²³. В этих словах, как нам представляется, следует видеть нечто большее, чем комплимент корреспонденту. В них – писательское кредо зрелого Хаксли, весьма удачно сочетавшего в своем творчестве литературу и науку.

В очередном письме к Бергаланффи О. Хаксли подтверждает свою увлеченность проблемой связи работы организма с функционированием сознания: «... Меня все больше интересует связь самоосознающего *эго* с психосоматическим организмом в целом... Каждый конкретный человек сталкивается с главными практическими вопросами: как помешать моему *эго* вызывать психосоматические расстройства? Как помешать моему *эго* затемнять внутренний свет... и таким образом держать меня в оковах иллюзий в темноте?»²⁴

Речь идет, разумеется, только о таких «конкретных людях», которые не просто испытывают недомогание, но и ищут более или менее концептуальное объяснение происходящему с ними. Это письмо свидетельствует о том, что эти вопросы важны именно для него – и не только в связи с абстрактным научным интересом. Это косвенное признание в том, что писатель измучен слабым здоровьем и хотел бы найти как объяснение проблемы, так и лекарство от нее. Найдя секрет здоровья, он, без сомнения, поделился бы им со всем миром. Пока же он сообщает о предварительных и промежуточных результатах поиска.

О. Хаксли полагал, что успешность работы психолога, возможно, должна основываться на том знании, что выходит за пределы собственно психологии. Психология сможет сыграть свою историческую роль, лишь преодолев свои дисциплинарные границы и занявшись целостным феноменом сознания, включив в свою орбиту физиологию, философию и теологию. Трудно не заметить сходство этой мысли с аналогичными высказываниями К. Г. Юнга в книге «Проблема души современного человека», (1931), а затем и с идеями, выдвинутыми Отто Ранком в работе «За пределами психологии» (1939, английский перевод 1941).

Психологические рассуждения Хаксли выявляют те же самые трудности, которые испытывали крупные психологи, его современники, сталкивавшиеся в своей практике с такими экзистенциальными проблемами, как бессмысленность, скука, внутреннее одиночество, утрата жизненных ценностей и ориентиров, боязнь перемен и страх перед будущим. Психотерапия, утверждал писатель, должна предьявить страждущим философию, отличную от идеологии социума, она должна приблизить человека к естественному порядку вещей, заменив собой навязанный ему искусственный. В своем предисловии к книге Юбера Бенуа «Высшая доктрина» (1955) Хаксли выражает мысли, почти дословно совпадающие с идеями Эриха Фромма, высказанными в его «Здоровом обществе», опубликованном в том же году. Рассуждая на тему нормы, Хаксли призывает понимать под нормальностью «идеальное функционирование», «реализацию всех возможностей», «торжество всех сил природы»²⁵.

Подобно многим психологам экзистенциального направления, он был убежден, что психология пока не выполняет своего назначения, что ей следует освободиться от ложных и чрезмерно пессимистических представлений о человеческой природе. Чтобы излечиться, полагал он, больному следует узнать от врача о том, что есть человеческая натура, и как следует понимать свои ошибки, как изменить ложную систему оценок собственной неполноценности или превосходства. Таким образом, получается, что психотерапевт не может помочь пациенту, если не представит ему полноценную концепцию человеческой жизни, т. е. телеологию, этику и пр. Хаксли видит в психотерапевте учителя жизни – педагога, философа и врача в одном лице.

Среди психологов-экзистенциалистов О. Хаксли выделял Абрахама Маслоу (они были лично знакомы), мечтавшего об обществе полностью самореализовавшихся «спонтанных» индивидуумов, свободных от фрустрации и комплексов, не испытывающих потребности в подавлении, вытеснении и агрессии. Маслоу критиковал других психологов за то, что те больше занимаются человеческими слабостями (не о том ли до него писал О. Хаксли, критикуя психоанализ?). «Грех» и в самом деле изучался, а «добродетель» игнорировалась как в психоанализе, так и в бихевиоризме. Маслоу же захотел показать, как именно человеку следует двигаться к удовлетворенности и счастью. Кроме того, Маслоу выгодно выделялся среди коллег по цеху тем, что видел причину невротичности и агрессии в невежественности и извращенном мышлении больного, а также в том, что человек извращает свою внутреннюю природу.

Олдос и Лаура Хаксли из всех психологов и психотерапевтов особо отмечали Карла Роджерса, с которым они часто виделись, обсуждали принципы новой «недирективной» или «ориентированной на клиента» терапии (авторство термина «клиент» в психотерапии также принадлежит Роджерсу). Хаксли особенно импонировала мысль Роджерса о том, что терапия должна высвобождать потенциальные возможности в индивидууме, а не осуществлять профессиональную манипуляцию более или менее пассивной личностью. Роджерс выгодно отличался тем, что верил в способность клиента понять, что именно вызывает его несчастья и боль, и изменить себя таким образом, чтобы устранить причины своих симптомов и общую неудовлетворенность собой и жизнью.

Очевидно, Олдос Хаксли был известен важнейший новаторский труд К. Роджерса «Терапия, сфокусированная на клиенте» (1951). Однако писатель был подготовлен к восприятию роджерсовских идей своими предшествующими размышлениями на тему психотерапии и знакомством с техниками медитации и гипнотического внушения. Посмотрим на его рассуждения в уже цитировавшемся письме № 610 от 1952 г.: «Терапевтические процедуры не должны быть директивными, а должны быть подсказаны глубинным Я, на способность которого намекнуть на что-нибудь полезное организму в целом (например, на некое воспоминание, которое требует, чтобы оно было несколько раз проговорено, прежде чем оно перестанет вызывать эмоциональную реакцию, или же на некий образ, возможно, не важный в данный момент) можно положиться, если его об этом вежливо попросить <...>. Есть часть подсознательного *Не-я*, которое намного умнее *Я* и личностного подсознания, и на которое можно положиться, и оно поможет, если попросить»²⁶.

Подобно Роджерсу, Хаксли полагал, что некий глубинный центр подсознания (*basic organism*) содержит знание истинных ценностей, понимание добра и зла. Кроме того, Хаксли постепенно (по-видимому, в частности, после чтения бестселлера К. Роджерса 1961 г. «Становление личности») пришел к пониманию невроза как остановки в процессе самоактуализации личности, а вовсе не как выражения вытесненного прошлого переживании

(точка зрения психоаналитиков) или плохой адаптации (точка зрения бихевиористов). Как известно, Роджерс предлагал рассматривать невроз как проблему «здесь и сейчас». Принцип терапии, предложенный Роджерсом, нашел отражение в романе «Остров», в котором он явственно просматривается наряду с дзен-буддистской концепцией «здесь и сейчас» и методами гештальт-терапии²⁷.

В целом, писатель пришел к убеждению, что корни психических проблем, и шире – зла – следует искать в нарушенном восприятии реальности, что и мешает актуализации потенциальных возможностей. Система взглядов человека в основном зависит от того, как он воспринимает самого себя и окружающих. То, что объективно находится вокруг нас – не самое важное. Лишь в том случае, когда объективная реальность осмысливается в некоей системе идей, она становится действительной и, возможно, потенциально опасной силой.

В последнее десятилетие своей жизни главными метафорами психологических рассуждений О. Хаксли становятся *открытость, личностный рост, целостность, самоактуализация и освобождение*. В таких терминах представители феноменологической психологии и гуманистической психотерапии рассуждали о перспективах «обретения себя» и о дальнейшем развитии человечества. Эти направления привлекали писателя потому, что они соотносились с экзистенциальными проблемами и исходили из более точных и оптимистических представлений о нормальности, обращаясь к лучшему в человеке.

Сравнивая идеи Хаксли с концепциями профессиональных психологов, мы стремились подчеркнуть синкретичность и холистичность его теоретических построений. Каждая из рассмотренных школ психологии и психотерапии в тот или иной период сыграла роль стимула, реакцией на который было изменение научных или эзотерических воззрений писателя. Как мы уже говорили, его заботили не только проблемы излечения. Его моральная философия в итоге включила в себя мысль о необходимости всесторонней терапии личности для восстановления способности к полноценной внутренней и социальной жизни. Все это свидетельствует о глубоких изменениях, произошедших в личности писателя, в свое время подчеркивавшего, что у него нет «никаких идей относительно самого себя».

¹ Huxley A. Ends and Means // Complete Essays of Aldous Huxley / Ed. by R.S. Baker, J. Sexton. Vol. 4. 1936–1938. Chicago, 2001. P. 400–402.

² Huxley A. Letters / Ed. by G. Smith. New York, 1969. P. 306.

³ Aldous Huxley 1894–1963: A Memorial Volume / Ed. by J. Huxley. New York, 1965. P. 157.

⁴ Huxley A. Letters / Ed. by G. Smith. New York, 1969. P. 740.

⁵ Aldous Huxley Oral History Papers. HM 56897. P. 39.

⁶ Huxley A. Foreword // Huxley L.A. You Are Not the Target. New York, 1963. P. 13.

⁷ Huxley A. / Ed. by G. Smith. New York, 1969. P. 711.

⁸ Ibid. P. 561.

⁹ Ibid. P. 635.

¹⁰ Хаксли полагал, что номинально различные «витальные силы», описанные Вильгельмом Райхом, Иманом, Фанестокком и некоторыми другими, по-существу, лишь разные описательные характеристики одной и той же жизненной силы. Писатель изучил и проанализировал следующие книги, рассматривающие радиологические теории и терапии (в том числе и те, где говорится о гипнозе и релаксации): *Fahnestock W.B. Statuvalism, or Artificial Somnambulism* (1871); *Driesch H. The History and Theory of Vitalism* (1914) – в этом труде впервые употреблен термин «энтелехия»; *Jacobson E. Progressive Relaxation* (1924); *Fink D.H. Release From Nervous Tension* (1943); *Eman L.E. Cooperative Healing: The Curative Properties of Human Radiation* (1947); *Kitselman A.L. E-Therapy* (1953).

- ¹¹ *Huxley A. Letters* / Ed. by G. Smith. New York, 1969. P. 647.
- ¹² *Ibid.* P. 693.
- ¹³ *Huxley A. Literature and Science*. Woodbridge (Conn.), 1991. P. 96.
- ¹⁴ *Huxley A. Letters* / Ed. by G. Smith. New York, 1969. P. 516–517.
- ¹⁵ *Huxley A. The Human Situation: Lectures at Santa Barbara, 1959* / Ed. by P. Ferrucci. New York; Hagerstown; San Francisco, 1977. P. 151.
- ¹⁶ *Huxley A. Letters* / Ed. by G. Smith. New York, 1969. P. 621.
- ¹⁷ *Harpers Magazine*. 1944. November. P. 519.
- ¹⁸ *Хаксли О. Вечная философия*. М., 2004. С. 234–235.
- ¹⁹ Там же. С. 235–236.
- ²⁰ Там же. С. 243.
- ²¹ Книги, которыми, в частности, руководствовался Хаксли: *Suzuki. The Zen Doctrine of No-Mind*. London, 1949; *Watts A. Behold the Spirit: A Study in the Necessity of Mystical Religion*. New York, 1947.
- ²² *Huxley A. Letters* / Ed. by G. Smith. New York, 1969. P. 527.
- ²³ *Ibid.* P. 603.
- ²⁴ *Ibid.* P. 654.
- ²⁵ *Huxley A. Foreword* // Benoit H. *The Supreme Doctrine: Psychological Studies in Zen Thought*. London, 1955. P. 8.
- ²⁶ *Huxley A. Letters* / Ed. G. Smith. New York, 1969. P. 648.
- ²⁷ Хаксли читал книгу *Perls F.S., Hefferline R.F., Goodman P. Gestalt-Therapy: Excitement and Growth in the Human Personality*. New York, 1951. О ней он говорит в двух письмах №№ 779 и 851. Эта книга была одной из тех, что Олдос дал почитать Лауре в самом начале их романтических отношений. О роли гештальт-терапии в его творчестве см.: *Головачева И.В. Последний роман Олдоса Хаксли // Вопросы филологии*. СПб., 1997. Вып. 2. С. 144–150.